
ФИЛОЛОГИЯ

УДК 80

Н.М. Локтионова, И.А. Кузьмина*Донской государственный технический университет**г. Ростов-на-Дону, Россия**nad572@yandex.ru**irinagomulko@yandex.ru***ЖЕНСКИЙ ГОЛОВНОЙ УБОР
В КОНТЕКСТЕ НАРОДНОГО КОСТЮМА****[*Loktionova N., Kuzminova I. Women's headwear
in the context of the national costume*]**

The article presents in fragments lexical and semantic explication of the concept of "headwear" in the context of the national costume, which contains not only linguistically meaningful information, but also valuable ethno-, lingual and cultural information. Interdisciplinary research perspective led to the relevance of this article. Lexical and semantic space of studied concept includes an infinite number of nominations, marked the national-cultural component, which represents basic verbal codes of material and spiritual culture of a people. Theoretical and practical significance of the work lies in the fact that the conceptual description of nominations of female headwears provides a comprehensive distinctive specific historical, cultural and linguistic picture of a certain time period. Cognitive-pragmatic approach to the test material predestined scientific novelty (the value) of the article that actually formulated in the main conclusions: the nomination of women's hats have a complex conceptual design with quite an extensive semantic structure on the implicit level.

Key words: nomination, concept, headwear, lexical and semantic, lingual and cultural.

«Все начинается с головы...». С очень давних времен люди по тем или иным причинам украшали («убирали») свои головы. Народ как мудрая мать, чтобы не обидеть ни одну из своих дочерей, украшал голову каждой из них так выразительно, что даже обездоленная природой становилась прекрасной; а красота женщины, по мнению предков, сказывалась в ее лице. Несмотря на то что лексема «убор» в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова квалифицирована как «устаревшая»: «то, во что одеваются, наряд, одеяние, убранство» [6, с. 712]; в составе устойчивой и общеупотребительной номинации «головной убор» – «общее название вещей, служащих одеждой для головы (шапка, шляпа, кепка, платок)» – семантический признак «убирать» →

«убор» актуализирован и до сих пор является единственным языковым знаком, репрезентирующим данное понятие в противовес семантическому компоненту «одежда для головы». Обращает на себя внимание и тот факт, что в словарной статье «головной» нет упоминания о деталях одежды, а номинация «головной убор» встречается в указанном Толковом словаре именно в словарной статье «убор», что также косвенно подтверждает значимость семантического компонента «убрать» в значении «украшать».

Общеизвестно, что в одежде нет и не может быть деталей, которые не имеют отношения к характеру человека. Они говорят о возрасте, социальных занятиях, вкусах; несут в себе характеристику времени и т.д., что находит воплощение в языковой семантике и коммуникативной деятельности. Полагаем, что наиболее «говорящим» атрибутом практически любого наряда является именно головной убор, так как лексико-семантическое пространство этого понятия включает в себя не только лингвистические знания, языковую репрезентацию, но и высокую этно-, лингвокультурологическую информацию, значимую в национально-культурном аспекте.

За многие тысячелетия человеческой истории головным уборам приходилось быть и предметами сугубо практическими, и символическими, и комическими, и патетическими, шутовскими и политическими... Редко какая другая деталь одежды выражала с такой силой дух времени, вкусы и представления людей, их социальное положение и социальные претензии. *Пилеусы, эннены, тюрбаны, тафьи, тюбетейки, башлыки, шлемы, пилотки, кепки, береты, чепцы, цилиндры, боливары, треуголки, картузы, кички и т.д.* Эти шапки, шляпки, шляпы, платки да шали – «головные покрывающие» – символы эпох, у каждого из которых своя история, своя лингвистическая биография, вербально репрезентирующая национальные формы жизни народа, его психологию, быт, нравы, традиции, обычаи и т.д. – знаковая предметная область бытия. История головных уборов отражает базовые понятия материальной и духовной культуры народа.

«На первый взгляд маловажная история моды на шляпы...» [2, с. 8] оказывается, может очень многое прояснить историкам, культурологам, этнографам, дать «важную и интересную пищу» для размышления лингвистам. История дамской шляпки в России насчитывает более трехсот лет и полна невероятных событий, свидетельствующих не столько о причудах моды, сколько об особой роли шляпы. Шляпа означала и сословную принадлежность, и соответствующую

щее образование, и знание правил светского этикета, и причастность иной культуре, элегантность, смелость, великолепие и т.д. Ежегодно появлялось несколько тысяч новых шляпных фасонов и соответствующих им номинаций. Поводом для создания новой шляпки были и политические события, и забавные происшествия, и новые театральные постановки или романы. Шляпа была весьма важной, многозначной и многозначительной деталью туалета.

Однако наше внимание привлек женский головной убор именно в контексте национального костюма как отдельная самостоятельная область народного искусства с огромным художественно-образным потенциалом. Самобытные таланты с любовью веками создавали, берегли и обогащали народный костюм, в котором головной убор был главной деталью, воплотив в нее с предельной ясностью свое национальное лицо.

Так, например, для русской крестьянки головной убор – это не просто одежда, это определенный символ ее семейного, социального, имущественного положения; это средство для утверждения своей роли в жизни в целом и в своей деревне в частности, это способ самовыражения и своих представлений о красоте. *Кокошник, позатыльник, повойник (повой, повоец), кичка, кичка-сорока, настоящая сорока, сорока-сбруга, рогатая, кичка, "копыто" (средняя часть кички), повязка, перевязка, лента, почелок, венец, коруна, налобник, похватки, осицы, крылышки, заушники, шамшура и т.д.* Практически каждая номинация маркирована национально-культурным компонентом, которые в комплексе создают самобытную специфическую историко-культурную и лингвистическую картину определенного отрезка времени.

Каждая из номинаций имеет сложный семантический рисунок, который включает в себя и форму, и цвет, и ткань, и разнообразные детали, и функциональное предназначение (повод и способ носить головной убор) и т.д. Не менее важны художественный смысл и художественный образ каждого головного убора, которые органично вплетаются в семантическую структуру любой из номинаций. К примеру, девичьи головные уборы, как правило, были воздушными, легкими, ажурными, открытыми в отличие от плотных, замысловатых женских головных уборов. Это символизировало не только художественный смысл, олицетворением которого являлась свобода незамужней женщины; но и определенный художественный образ, соответствующий древнему славянскому обычаю, по которому ходить с непокрытой головой (простоволосой) за-

мужней женщине считалось позором, тяжким грехом. По народным поверьям, волосы обладают колдовской магической силой, именно поэтому их необходимо обязательно закрывать. Самым большим позором для женщины древней Руси было насильственное публичное обнажение ее головы.

Многообразен и многолик мир женских платков и шалей: *пестрые, цветастые, узорчатые, набивные, расшитые, кумачовые, кисейные, одноцветные, с каймой, шелковые, бархатные, кашмирские, шерстяные, полушерстяные, ситцевые, легкие, воздушные, мягкие, французские, турецкие...* Они пленяют наше воображение. Любовь к головному платку, истоки которой теряются в XII в., вошла в плоть и кровь русских женщин и получила новое звучание в современном костюме. Платок для женщины – это не просто материальная ценность, это было определенное духовное богатство, напрямую связанное с ее биографией, памятью.

«Плат – от самого дорогого, шитого золотом, до самого дешевого скорбного холщового покрывала вдовы – был символом честности женской жизни» [5, с. 102]. Сколько невыдуманных историй могли рассказать о своих владелицах головные женские платки! За каждым рассказом – судьба русской женщины; история наших предков, отражающая их быт, нравы, обычаи. Ухаживание, свадьба, крестины, удачный промысел, сенокос, церковная служба, праздники, горе и т.д. – на каждый случай в заветной укладке у любой женщины был свой *плат, платок, полушал, шаль*. Это был самый желанный подарок («подари мне платок, голубой лоскуток...»).

А эта удивительно трогательная привычка русской женщины вытирать глаза от слез радости, горя, тоски, обиды уголками платка; доверять ему свои сокровенные тайны, желания, горести – привычка украдкой шептать, прикрывая рот уголками платка! И эти привычки, несмотря на свою «старость», до сих пор живут в разных контекстах нашего современного бытия и нашли отражение в пословицах и поговорках: «На чужой роток не накинешь платок».

Понятийный рисунок, казалось бы, самых конкретных по своему значению слов, к которым справедливо могут быть отнесены номинации женских головных уборов, на самом деле имеет разветвленную смысловую структуру, в которой значимой оказывается этнографическая и лингвокультурологическая информация. К примеру, старинное слово "*убрус*". В Толковом словаре современного русского языка Д.Н. Ушакова *убрус* трактуется как «платок,

полотенце» [8, с. 1093]. С точки зрения когнитивности как процесса познания данное толкование оказывается концептуально пустым. Совершенно очевидно, что в такой трактовке отсутствует несколько семантических составляющих для современного его понимания. Отметим, прежде всего, дифференцирующий признак: это не просто платок, а женский головной убор. Более того, это прообраз платка – фактически это кусок ткани, которым покрывали голову замужней женщины сверх *повоя*.

С глубокой древности было принято набрасывать поверх головного убора *платно* из куска ткани. Как правило, это было тонкое полотно или легкие шелковые ткани. *Повой*, в свою очередь, (позже появились его синонимические номинации – *повойник*, *повоец*) известен в истории головных уборов как «мягкая шапочка из ткани, которую надевали сразу после венчания» [4, с. 284]. Существует русская народная поговорка: "Стала двухвосткой, под повой ушла". Интересно, что в XIX веке, да и в начале XX века обычной прической для девушек была одна коса, спускающаяся по спине. В косу вплетали яркую ленту, а иногда и колокольчики. Замужние женщины заплетали волосы в две косы, прятали их под головной убор. Таким образом, можно сделать вывод, что если "коса под повой ушла" – значит, девушка вышла замуж. Однако в словаре Д.Н. Ушакова отмечаем семантические сдвиги в толковании указанного слова: «*повойник* – головной убор у крестьянок, прежде обычно у замужних, в виде платка, повитого вокруг головы» [8, с. 710]. Сопоставление двух определений выявляет значительные семантические расхождения (шапочка или платок?), но неизменной остается семантическая доминанта: «старинный головной убор женщины».

В Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера обнаруживаем еще одно из значений: *повой* – "растение, вьюнок полевой" [3, Т. II, с. 294]. Полагаем, что семантическая нить многозначности данной леммы связана с его внутренней прозрачной мотивацией: «то, что повито». Внутренней семантической мотивацией обусловлены многие номинации женских головных уборов: *подубрусник* – головной убор, который находится под убрусом; *покрывало* – кусок ткани в форме вытянутого прямоугольника, которым в средние века замужние женщины повязывали голову → "покрывали голову"; *повязка* – кусок ткани, повязываемый на что-нибудь → «повязать» и др.

Заметим, что название головного убора *подубрусник* в специальной литературе по истории народного костюма не встречается в качестве синонима названию *повой*, хотя исследование показало, что денотативно-сигнификативная природа данных исторических реалий одинакова. В данном случае в семантическую структуру анализируемых лексем входят, как минимум, два важнейших историко-культурных факта, связанных с народными обычаями – магия волос, непокрытая голова, которые обладают некоторой объяснительной силой для появления новых номинаций – различных подвидов и разновидностей гендерного родового понятия "женский головной убор".

Необходимо уделить внимание еще одному головному убору довольно сложной конструкции, именуемому *сорокой*. Так, в словаре В.И. Даля находим: *сорока с повоем* – "род кички, на челе пониже, а с боков повыше, иногда по такому волоснику только повязывается шитая ширинка"; *сорока саженая* – "убрана шитьем, низаньем, даже каменьями либо жемчугом; крылатая или с крылом: волосы стягиваются сдерихой на затылке, сорока прикрепляется сзади крыльями, лопастями, иногда спереди жемчужная подвязь, на самой сороке, она же очелы, чельшек или копытце" [3, Т. 4, с. 274–275].

М. Фасмер полагает, что данное наименование имеет довольно ясное происхождение, то есть оно является производным от названия птицы – сорока из-за сходства с сорочьим хвостом и расцветкой перьев. Для сравнения: карельское слово *harakk* обозначает "сороку, чепец" и шведское *kraka* [3, Т. 3, с. 723]. Главный аргумент в пользу родства головного убора и известной птицы – это наличие у первого крыльев и хвоста. Не случайно один из видов сорок называли крылатыми! Возможно, существует и другая версия происхождения данного названия, связанная с этимологической близостью между лексемами *сорока* и *сорочка* ("рубашка, рубашка: женская, кисейная манишка, до пояса...") [3, Т. 4, с. 257]. Таким образом, можно предположить, что *сорока* понималась носителями данной лингвокультуры как одежда для головы. Тем более, нельзя упускать из виду, что далеко не все *сороки* внешне напоминали пеструю птицу.

Сороки были разными и по своей конструкции, и по цвету. У них могли отсутствовать птичьи атрибуты: крылья и хвост. Известно, что со времен язычества на Руси почитался культ птицы, так, например, утка, курица считались оберегом, символом замужней женщины. Интересен факт, что в день свадьбы молодые ели жареную курицу как залог будущей плодовитости су-

пруги. Вероятно, что женщине после бракосочетания надевали на голову убор, имеющий зооморфное название, с целью рождения большого потомства и защиты ее от злых духов.

Кроме того, исследователь Е.В. Антошенкова отмечает, что "древний славянский костюм имел так называемое ярусное разделение" [1, с. 59]. Головные уборы, по ее словам, были связаны с солнцем, небом, и поэтому характер орнамента у них отличался от орнамента рубах. Так, на головных уборах наблюдались солнечные знаки, а птица как раз таковым и была. Вполне возможно, что элемент в орнаменте повлиял на название всего убора в целом. Тем более, дополнительными аксессуарами головных уборов часто являлись птичьи перья и пух.

Несмотря на то, что *сорока* была более распространена на юге, чем на севере России, слово это считается общерусским. По словам Е.В. Ухмылиной, у нижегородских крестьян *сорока* традиционно надевалась на *волосник*, но имела другую, чем у южан форму: "оборки с небольшими отростками по бокам передней части", эти оборки назывались "рога", отсюда и название – *сорока с рогами* [9, с. 78]. Задача нашего исследования состоит не в постижении исторических тайн всех на свете головных уборов, а в стремлении выявить среди всего этого множества и разнообразия базовые понятия, которые позволяют представить не только особенности развития материальной культуры, но которые являются духовными культурными ценностями народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антошенкова Е.В. Головные уборы восточных славянок // Русская речь. № 1. 1996.
2. Буровик К.А. Родословная вещей. М., 1991.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 6 т. М., 1980.
4. Захаржевская Р.В. История костюма. От античности до современности. М., 2007.
5. Мерцалова М.Н. Поэзия народного костюма. М., 1988.
6. Ожегов С.Ю. Словарь русского языка. М., 1984.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 2004.

8. *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2008.
9. *Ухмылина Е.В.* Название старинной русской женской одежды нижегородских будаков // Исследования и материалы по русской древнеславянской языковой истории. М., 1975.

REFERENCES

1. *Antoshenkov E.V.* Headdresses of the Eastern Slav // Russian speech. N. 1. 1996.
2. *Burovik K.A.* Pedigree of things. М., 1991.
3. *Dal V.I.* Explanatory dictionary of living great Russian language: In 6 T. М., 1980.
4. *Zacharzewska R.V.* The History of costume. From antiquity to the present. М., 2007.
5. *Mertsalova M.N.* Poetry of the folk costume. М., 1988.
6. *Ozhegov S.U.* Dictionary of Russian language. М., 1984.
7. *Fasmer M.* Etymological dictionary of Russian language: In 4 vols. М., 2004.
8. *Ushakov D.N.* Big explanatory dictionary of modern Russian language. М., 2008.
9. *Ujmaline E.V.* The Names of an old Russian women's clothing Nizhny Novgorod Budak // Research and materials on the Russian language old Slavic history. М., 1975.

8 октября 2016 г.
